

Моему отцу и его товарищам по немецкому плену в Норвегии посвящается.

В апреле 1946 года ко мне, рязанскому мальчишке, неожиданно приехал отец, считавшийся всю войну пропавшим без вести. Во двор нашего дома вошел высокий, сутулый и коротко стриженный мужчина в гражданской одежде и поднял меня на руках высоко над собой. Такое обращение мне вовсе не понравилось, и я стал вырываться из его рук. Больше всего не понравилась его щетинистая щека.

Кто и что такое отец, я не имел ни малейшего представления. Я воспринял его тогда как обычного дядю с улицы. Помнится, он взял меня за руку и повел на речку, вышедшую из берегов в половодье, и мы каким-то чудом перебрались на противоположный берег по хлипкому деревянному мосту, разбитому льдинами. Потом помню неприятное и невкусное угощенье — американскую тушенку, которую я есть отказался.

Потом «дядя отец» уехал, и больше я его никогда не видел...

Позже мать рассказала, что он вернулся из немецкого плена в Норвегии. Рассказ подробностями не изобилдовал. В мае 1941 года молодой лейтенант Григорьев Николай Иванович, выпускник Севастопольского военно-морского училища (береговой обороны, как было установлено позже) приехал в свое родное село и женился там на местной учительнице, моей матери. Получив назначение на службу в только что занятую советскими войсками Эстонию, он выправил на жену необходимые документы и убыл к месту службы в Таллин. Мать стала увольняться с работы и собираться в дорогу, но выехать к мужу не успела: началась война.

Позже через интернет было установлено, что он 1918 г.р., член ВРКПБ с 1940 года, выпускник Севастопольского Военно-морского училища береговой обороны, весной 1941 года в звании лейтенанта проходил по списку военнослужащих береговой обороны Балтийского района Краснознаменного Балтийского флота в качестве командира огневого взвода 508-й *отдельной* зенитной батареи СУС БОБР* на острове

* Северный укрепленный сектор береговой обороны Балтийского района. Командир БОБР был генерал-майор (с 1942 года — генерал-лейтенант) А. Б. Елисеев, 1887 г.р., участник первой мировой войны, царский офицер, перешедший на службу в Красную армию.

Даге. Оборона острова длилась с 12 по 21 октября, следовательно, отец был захвачен в плен немцами либо в оборонительных боях за остров, либо во время неудачной эвакуации с Даге на Ханко.

Оборона Даге (Хийумаа), оформленная в т.н. СУС, обеспечивалась 4900 бойцами и офицерами, как и других островов Моонзундского архипелага, несмотря на наличие солидных боевых сил (численность БОБР на момент боев составляла около 18000 человек), была организована слабо и недостаточно профессионально. Впрочем, как явствует из книги С. Булдыгина*, гарнизон Даге оборонялся героически, но был обречен на разгром превосходящими силами гитлеровцев. Запланированную эвакуацию гарнизона провести не удалось. В ходе боев на мотоботах, по данным Булдыгина, удалось перебросить на Ханко лишь около 570 бойцов, включая раненых. В последний день обороны с Даге сняли еще 60 человек комсостава (включая штаб и прокуратуру) и 450 бойцов. Одна шхуна со 150 бойцами пропала без вести и, скорее всего, была захвачена немцами. 21 октября на Ханко продолжали прибывать мелкие катера и лодки с оставшимися в живых бойцами. Отдельные группы оборонявшихся добирались до Швеции, где и были интернированы местными властями.

Всего в плену оказалось около 3388 человек гарнизона острова. Уставшие бойцы, оставшись без командования, провели комсомольское собрание и приняли решение обороняться до последнего.

Послевоенная история отца складывалась как у многих пленных: фильтрационные, а потом рабочие лагеря в «местах удаленных», последующее освобождение, но не реабилитация, поражение в правах...

Мой норвежский друг журналист Бьерн Братбак по моей просьбе сделал запрос в Государственный архив Норвегии и скоро получил оттуда следующий ответ:

Наша ссылка: 00/1815 А.554.1 УА/ТАГ Дата: 13.3.2000 г.

ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАПРОСА О РУССКОМ ВОЕННОПЛЕННОМ

*В директорате беженцев и пленных Архива, в конторе по репатриации, в списках отправленных на родину пленных мы обнаружили Николая Ивановича Григорьева из Рязанской области. В списках он указан с датой рождения 19.10.1918 г**, но это пусть не смущает вас, потому что в самом начале могла вкратиться ошибка.*

Мы не можем точно сказать, где в Норвегии содержался этот пленный, но некоторые сведения указывают на лагерь в Скьелде (Шельде) или в лагере, получившем название Квесменес. Он был отправлен поездом из Нарвика между 25 и 29 июня 1945 года, но и по этому пункту информация не совсем достоверна. То, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что он был отправлен из транзитного лагеря № 3 в вагоне № 3 (см. приложение).

*С дружеским приветом: зам. директора Анне Хальс
архивариус Тур Антон Гордер.*

Приложение, 2 листа.

Первый лист приложения — список репатриантов из третьего транзитного лагеря, отправленных из Нарвика в третьем вагоне поезда. Список составлен на русском языке, написан простым карандашом и выполнен типичным русским почерком — очевидно, представителем репатриационной комиссии. Список разграфлен на пять столбцов: номера по порядку — фамилия, имя и отчество — год рождения — национальность — адрес/область.

Отец проходит в этом списке под четвертым номером:

* Булдыгин С. Б. Моонзунд 1941, М., Яуза-Эксмо, 2013 г.

** При запросе я давал Б.Братбаку дату рождения 19.11.1918 г.

Второй лист приложения — описание места нахождения архивных сведений: коробка — 16, портфель — Нарвик 30, идентификационный номер — 30374.

Б. Братбак собрал и любезно прислал мне дополнительный материал о положении в лагерях для русских военнопленных в Квесменесе. Там, на севере Норвегии, немцы строили оборонительную линию, призванную остановить наступление советских войск. В качестве строителей использовались советские военнопленные. Пленные, изнемогая от недоедания и непосильной работы, умирали там, как мухи. Были зарегистрированы случаи людоедства — обессиленные пленные употребляли в пищу останки умерших товарищей.

В нашей стране о военнопленных вообще и о тех, кто попал в концентрационные лагеря в Норвегии, вспоминать не любят. А вот в Норвегии о них помнят. Время от времени там появляются исторические исследования, еще недавно были живы кое-кто из очевидцев зверского отношения немцев к нашим военнопленным. Мы должны быть благодарны норвежцам за то, что, рискуя своим благополучием, а иногда и жизнью, они помогали нашим людям за колючей проволокой, как могли, подкармливали их, а некоторые отважные души укрывали бежавших на свободу и помогали им перебраться в Швецию.

1. *Ordnung muss sein!**

В Норвегии их звали «рабами с Востока».

Таких рабов в этой оккупированной вермахтом скандинавской стране в 1941—1945 гг. насчитывалось до 100 тысяч. Эта цифра приблизительная, как и все цифры, касающиеся советских военнопленных, и включает в себя также и гражданских лиц, завербованных или насильно вывезенных немцами с оккупированных ими территорий. По сравнению с общим количеством советских военнопленных, в основном *попавших*, а не *взятых* немцами в плен, это небольшая цифра — всего около 2 %**.

Для сравнения: за весь период военных действий 1940—1945 гг. в немецком плену сидели 235.473 американских и британских военнопленных, из которых домой не вернулись всего 8.348 человек. Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий (КРЖПР) оценивает количество умерших советских военнопленных от 1 230 000 до 2 000 000 человек.

Все эти цифры, конечно, приблизительные. Ни германские, ни советские власти не были особенно заинтересованы в том, чтобы сообщать миру точные сведения. В советской историографии тема военнопленных долгое время вообще была под запретом, а появившиеся в последнее время исследования на эту тему можно пересчитать по пальцам.

Процент смертности среди советских военнопленных объяснялся не только беспрецедентно жестоким отношением немцев к советским пленным. Немцы были про-

* Порядок должен быть! (перевод с немецкого).

** Всего за годы войны в немецких лагерях для военнопленных, по подсчетам западных историков, оказалось около 5.300.000 советских солдат и офицеров. По данным КРЖПР, закончившей свою работу по военнопленным в 1994 году, в 1941 году в плену у немцев оказались 2 миллиона советских военнослужащих, в 1942 году их число составило 1 миллион 339 тысяч, в 1943 году — около 500 тысяч, в 1944-м — более 200 тысяч, и в 1945-м — более 40 тысяч. Подсчеты современного российского историка В.Земскова выглядят еще более впечатляющими: по его данным, пленных было на 1 миллион больше, т.е. 6,3 миллиона, из которых к немцам попали 6,2 млн., к румынам — более 40 тысяч, а к финнам 64.200 советских военнослужащих. Итальянцы и венгры сдавали своих пленных немцам. В любом случае это непостижимые, убийственные цифры! Ни одному «бездарному» царскому генералу и в кошмарном сне не могло присниться нечто подобное. Для наших же военачальников и вождей, планировавших войну на чужой территории, это, к сожалению, оказалось печальной реальностью.

сто не в состоянии «переварить» всю эту человеческую массу и обеспечить такому огромному количеству людей более-менее сносное существование. Даже если на каждые 25 военнопленных вермахт выделил бы по 1 охраннику, то для охраны всех военнопленных немцам потребовалось бы 132 тысячи солдат или целых 13 дивизий. Такого вермахт позволить себе не мог даже в самые победоносные месяцы войны. Поэтому многие военнопленные умирали от голода и болезней уже в первые недели плена, потому что неделями находились в открытых солнцу, ветру, снегу и дождю загонах за колючей проволокой.

Еще до вступления в войну с Советским Союзом Берлин издал одну-единственную директиву по будущим военнопленным. В ней частям СС давался приказ выделять из общей массы комиссаров, коммунистов и евреев и расстреливать их на месте или, в крайнем случае, отправлять в специальные концентрационные лагеря, где их практически тоже всех уничтожали.

Конечно, сыграло свою роль и то, что немцы в отношении советских военнопленных не считали себя связанными положениями Женевской конвенции от 27.06.1929 года, поскольку советское правительство ее так и не ратифицировало. Но главной причиной ужасающего положения советских пленных явилась, однако, людоедская теория Гитлера о славянах как Untermenschen и его установка на беспощадное уничтожение коммунистов, офицеров, комиссаров и интеллигенции. Уже 6 июня 1941 года, за 16 дней до нападения на Советский Союз, расистская нечеловеческая теория фюрера была оформлена в приказ о комиссарах. Все это развязывало руки немецким офицерам и генералам и одновременно оправдывало их жестокость в собственных глазах.

Узник концентрационных лагерей в Норвегии И. Пашуков в опубликованной в Норвегии книге «Потерянные годы» рассказывает о первых днях немецкого плена. Пленных собирали в транзитный (накопительный) лагерь, расположенный в районе польского города Сувалки. По пути пленным не давали ни есть, ни пить, и когда на одном перекрестке двое измученных пленных припали к луже воды, смешанной пополам с конской мочой, их тут же застрелили охранники. Накопительный лагерь, куда они прибыли, был не самым крупным — в нем насчитывалось всего 25 тысяч пленных. Лагерем его можно было назвать весьма условно: пленные находились без еды и воды под открытым небом на участке, огороженном колючей проволокой. За короткое время, что Пашуков находился в лагере, 600 человек умерли от болезней, а 2000 человек немцы казнили. Расстрельных команд не создавали — застрелить пленного мог любой немецкий солдат или офицер.

Выжить в этом лагере могли только «орднеры» — полицаи из своих — и повара. Или переводчик. Еще оттянуть смерть можно было копанием могил для умерших товарищей. Так что жизнь советского военнопленного в первые дни войны не стоила и ломаного гроша. В некоторых накопительных лагерях смертность достигала 90 %. Немецкий исследователь Кристьян Герлах, изучавший материалы массовых убийств советских военнопленных на Восточном фронте в 1941—1944 гг., пишет о том, что вермахт рассматривал такую практику как логическое продолжение боевых действий.

Пленные на первых порах считались ненужным бременем. Позже, когда война приняла затяжной характер и когда немцы стали терпеть поражение, когда Германия исчерпала все людские ресурсы для мобилизации людей на фронт и была вынуждена замещать в тылу своих мобилизованных граждан военнопленными или насильно угнанными с оккупированных территорий гражданскими лицами, отношение к военнопленным слегка изменилось, но не на столько, чтобы говорить о гуманном к ним отношении. Немцы просто стали более бережно относиться к рабам, которых с течением войны поступало все меньше и меньше, а число грандиозных строев рейха только увеличивалось.

Использование военнопленных на работах в тылу — «изобретение» XX века.

Массовый труд пленных стал впервые применяться в ходе первой мировой войны Германией, Австро-Венгрией и Россией. Во второй же мировой это стало правилом. И немцы, и японцы активно применяли труд военнопленных в своей экономике, да и Советский Союз не совсем даром кормил немецких пленных.

С самого начала войны советские военнопленные рассматривались режимом Гитлера только как дешевый и практически неисчерпаемый источник рабочей силы. Пленные должны были послужить интересам рейха. За «просто так» поддерживать в них жизнь немцы не собирались. Если в 1942 году, согласно норвежским историкам Скарстену и Стокке*, иностранная рабочая сила в Германии, включая гражданских лиц, составляла 15 %, то в 1944 году эта цифра достигла уже 33 % в целом по стране, а в сельском хозяйстве и строительстве — 50 %. Иностранцы работали там практически во всех отраслях экономики, включая военную.

Политической основой для распоряжения судьбами советских военнопленных послужило решение Гитлера от 31 октября 1941 года о т.н. *Russeneinsatz* — использование русских в интересах военной экономики и вермахта Германии. Это решение поставило точку в короткой дискуссии в германских верхах о том, где и как применять военнопленных, взятых на Восточном фронте. Высказываемое ранее в верхах рейха мнение о том, что немецкие солдаты после блицкрига быстро вернуться домой и заполнят пустующие рабочие вакансии в экономике Германии, не получило подтверждения. Уже в первые месяцы войны с Советским Союзом было признано необходимым, что без дешевого труда советских военнопленных не обойтись и что он понадобится рейху достаточно длительное время.

Норвежская исследовательница Марианна Сулейм** пишет, что в отношении к советским военнопленным у немцев возобладали политические настроения, обусловленные нацистской идеологией о превосходстве арийской расы и планами Гитлера по уничтожению большевистско-еврейского населения СССР. И только во вторую очередь немцы принимали в расчет соображения экономического характера — возможность использования дешевого труда советских военнопленных в экономике страны и на объектах вермахта.

Советские военнопленные были распределены между вермахтом и двумя министерствами рейха. Военнопленными, которые трудились на объектах, не принадлежащих вермахту, распоряжались министр вооружений и амуниции Фритц Тодт и министр труда Франц Зельдте. К концу войны все военнопленные, не принадлежавшие вермахту, перешли в распоряжение т.н. *Geschäftsgruppe Arbeitseinsatz* Германа Геринга.

Согласно вышеупомянутому решению о *Russeneinsatz*, генеральный уполномоченный по трудовым резервам Германии Фритц Заукель должен был определять, куда и в каком количестве следовало отправлять военнопленных, включая и Норвегию. Около 70 тысяч наших военнопленных работали в северных районах Норвегии (губернии Тренделаг и Тромс), остальные 30 тысяч были разбросаны по лагерям средней и южной части страны. Военнопленные были главным образом задействованы на строительстве военных укреплений, аэродромов, в совершенствовании транспортной инфраструктуры оккупированной Норвегии.

Гитлер хотел сделать из Норвегии неприступную крепость, продолжив на ее территории часть т.н. Атлантического вала. На северном и западном побережье Норвегии трудом военнопленных было построено большое количество бункеров, ДОТов, артиллерийских площадок, авто- и железнодорожных туннелей, дорог, аэродромов, укрытий для подводных лодок, сухих доков и т. п. М. Н. Сулейм признает, что ре-

* A. Skarsten, M. Stokke Blod og Tårer — historien om sovjetiske krigsfanger og sivile tvangsarbeidere i Rogaland 1941—1945

** а) *Sovjetiske krigsfanger i Nord-Norge*, "Ottar", 4/2002, Troms Museum и б) *Slavene fra Øst*. *Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941—1945*. Institutt for forsvarsstudier, 5/2005

зультаты труда советских военнопленных в 1941—1945 гг. в значительной степени способствовали развитию послевоенной инфраструктуры и модернизации Норвегии, а также усилению ее обороны.

К концу войны на территории Норвегии оставались всего 77899 советских военнопленных, из которых 36436 принадлежали Организации Тодт (ОТ), 35275 — вермахту и 6188 человек — Люфтваффе (ВВС). Солдаты и офицеры, взятые в плен в зоне ответственности ВВС (люфтваффе) или ВМС Германии, попадали в распоряжение этих видов вооруженных сил.

В каменистой норвежской земле, по некоторым данным, остались лежать более 22 тысяч наших ребят, т.е. смертность среди них достигала 22 %. Согласно же официальным норвежским данным, основанным на документах похоронных служб страны, в Норвегии было похоронено только 13.700 советских военнопленных. Однако мы далее увидим, что немцы по всей стране и особенно на севере Норвегии, в частности, в губернии Тромс, практиковали секретные массовые убийства и захоронения советских пленных. Кроме того, на всей территории страны имели место случаи смерти и убийства пленных охраной и лагерной администрацией, о которых никакие местные похоронные службы информации не получали.

Согласно Женевской конвенции 1929 года, ответственность за военнопленных возлагалась на ОКВ — Верховное командование вермахта (ВКВ). В Норвегии ВКВ было представлено Командующим вермахтом в Норвегии (КВН) генерал-полковником Николаусом фон Фалькенхорстом, а конкретно советскими военнопленными ведал из Осло начальник Управления по делам военнопленных генерал Редисс. Первое время, пока военнопленные находились на территории военных действий, ответственность за них несло Oberkommando des Heeres — Верховное командование сухопутных войск (ВКСВ), но как только пленные перемещались на территорию рейха, ответственность переходила к ВКВ.

В Норвегии немцы создали для советских военнопленных 4 главных лагеря — т.н. Stalag — Stammlager (основной, главный лагерь):

— шталаг № 303, открыт в сентябре 1941 г. в Лиллехаммере (ответственный за охрану лагеря 444-й Landeschützenbataillon);

— шталаг № 322, открыт в конце 1941 г. в Эльвенесе/Киркенесе;

— шталаг № 330, открыт в августе 1941 г. в м. Саген при Альте/Нарвик (ответственный за охрану 884-й Landeschützenbataillon); в 1944 г. после вступления Советской Армии в Норвегию переведен в Бейсфьорд под Нарвиком и

— шталаг № 380, открыт в декабре 1942 г. в Опдале (ответственный за охрану 309-й Landeschützenbataillon)*.

При попадании в шталаг военнопленные разбивались на роты или рабочие батальоны и рассылались по другим мелким лагерям, входившим в структуру шталага. Были и такие военнопленные, которые были организованы в роты еще до прибытия в Норвегию. Роты все вместе составляли дивизию.

Кроме вышеперечисленных организационных форм, немцы создавали из пленных также т.н. *строительные* и *рабочие батальоны*, в которых насчитывалось до 2500 и более человек. Жили эти пленные в лагерях, аналогичных шталагам. Они разбивались на *роты* и распределялись по рабочим и строительным площадкам. Такие батальоны входили в структуру известной «Организацию Тодта» (ОТ)**.

* При каждом шталаге существовали другие типы лагерей: Teillager, Zweiglager и Arbeitskommando. Teillager (часть лагеря) находился в непосредственной близости от шталага, Zweiglager фактически являлся филиалом шталага и находился от него на определенном удалении, в то время как Arbeitskommando — рабочие команды — создавались для выполнения определенных целей и задач и носили временный характер. Военнопленные рабочей команды жили по месту работы.

** ОТ взяла название от своего организатора, рейхсминистра Фритца Тодта и была призвана строить объекты для вермахта.

Рабочие батальоны ОТ — строительные, саперные и тыловой поддержки — были разбросаны по территории всей Норвегии и трудились на объектах, имеющих военное значение для вермахта — ремонт разрушенных мостов, железных и шоссеино-грунтовых дорог, в том числе на строительстве таких двух стратегических объектов, как Северная дорога и Атлантический вал. Эти батальоны, в зависимости от потребностей, тоже разбивались на роты и другие более мелкие группы и распределялись по конкретным рабочим местам.

По окончании войны существовали следующие рабочие батальоны (в скобках указаны место расположения и количество военнопленных в каждом лагере по состоянию на 8 мая 1945 года): № 180 (Стринда, 2895), № 182 (Фауске, 1089), № 183 (Стурволлен, 2522), № 184 (Теммернес, 2758), № 185 (Фауске, 2550), № 186 (Бейсфьорд, 2832), № 187 (Му и Рана, 2437), № 188 (Драммен, 3610), № 190 (Бренне, 3446), № 202 (Серэльва, 2302), № 203 (Мегарден, 2412), № 204 (Квесменес, 1862), № 205 (Энган, 2890) и № 206 (Тронхейм, данных нет).

В отчетах немцев проходят также 9 рабочих батальонов, подчинявшихся т.н. Особому штабу «О», располагавшемуся в Му и Рана. По данным союзников, штабу «О» подчинялись 12 батальонов. Особый штаб «О» отвечал за предоставление советских военнопленных в распоряжение ОТ. Эту работу возглавлял генерал Рихтер.

На 8 мая 1945 года штабу «О» подчинялись указанные выше рабочие батальоны №№ 182—185, 187, 190, 202—203, 205, а также батальоны №№ 1 (Стамсунд, 539), 28 (Рогнан, 750) и 41 (Къемога, 1151). В мае 1942 года штаб «О» получил в свое распоряжение 2 собственных лагеря с военнопленными в Осло/Эттерстад и Тронхейме/Нидарволь, входившими в т.н. батальоны поддержки тыла (Nachschubbataillone), а также т.н. батальоны усиления (Forstärkningsbataillone) №№ 463 в Осло 464 в Нарвике.

Каждый рабочий батальон возглавлялся штабом, в который входили:

а) командир батальона (комендант лагеря), б) сотрудник разведки, в) офицер, ответственный за организацию труда батальона, г) переводчик, д) чиновники, отвечающие за внешние связи, е) руководители рот и ж) офицеры, ответственные за организацию труда каждой роты. Батальонные командиры, с учетом протяженности расстояний в Северной Норвегии и Северной Финляндии, де факто получили самые широкие полномочия и располагали большой властью над военнопленными. Приказ ВКВ от 9 июля 1942 года разрешал им при необходимости расстреливать военнопленных на месте. Количество погибших от рук батальонных командиров точно установить не удастся.

Над ОТ в Норвегии был учрежден еще один администрирующий орган — Einsatzgruppe Wiking, контора которого располагалась в Осло на Киркегатан 15. Руководил конторой старший строительный советник Вилли Хенне, который отвечал за деятельность ОТ в Норвегии и Финляндии. Военные приказы он получал от генерал-полковника Фалькенхорста и замыкался также на Главное управление по делам техники в Гамбурге, которое являлось филиалом министерства народного хозяйства Германии. «Хозяйство» Хенне состояло из нескольких отделов, главными из которых были отдел «Северная дорога» и отдел строительства военных укреплений. К нему же примыкали особые группы Transportflotte Speer и Transportgruppe Todt. Первая отвечала за морские поставки строительных материалов для Организации Тодт — в основном из Дании и Норвегии — и включала в себя около 10 000 человек. Вторая группа отвечала за колесный транспорт и состояла главным образом из Hilfswiligen, т.е. тех военнопленных и перебежчиков, кто добровольно вступил в ряды вермахта (им советские военнопленные дали презрительную кличку «власовцы»). Они образовали т.н. «Легион Шпеер».

Группа «Викинг» работала в 3 основных районах: а) полярный, включавший северную Финляндию и район Киркенеса-Альты, б) район Нарвика-Фауске и в) средняя Норвегия. В каждом из этих районов была своя организация и административные

органы, например, в Нарвике разместились четыре строительных управления, а в средней Норвегии — целых шесть!

В перечне лагерей по состоянию на 1 апреля 1945 года значатся 5 лагерей для советских военнопленных, принадлежащих ОТ: в Бергене на 1635 человек (подчинялся шталагу № 303), в Бугене на 359 человек, в Рамсунде на 183 человека, в Люнсейдете на 270 человек и Дьюпвике на 150 человек (все четыре входили в шталаг № 330).

Советские военнопленные, включая оказавшихся на норвежской территории, подверглись классификации по национальному и другим признакам. Русские считались самыми трудными и ненадежными. За ними шли белорусы, украинцы и лица других национальностей. Для соблюдения дисциплины и в других организационных целях из числа военнопленных назначались, а иногда и избирались *старосты* лагеря. Из наиболее «надежных» администрация лагерей выбирала кандидатов на роль *лагерной полиции*, которую привлекали для охраны военнопленных. Как правило, в лагерную полицию набирали приволжских немцев, украинцев, белорусов, прибалтов. После того как лагерные полицейские «положительно» себя зарекомендовали, они получали статус *Heeresfolge* — *вспомогательные (охранные) подразделения вермахта*.

Во главе каждого лагеря был комендант — естественно, из немецких офицеров. Приказы и распоряжения комендант получал непосредственно от Командующего вермахтом в Норвегии. ОТ сотрудничала и конкурировала с КВН, но оба субъекта получали указания из центральных ведомств рейха: ОТ — от министерства труда, а КВН — от ВКВ или Главного командования сухопутных войск (ГКСВ). Лагерная система рейха в ходе войны много раз менялась, компетенции различных ведомств постоянно уточнялись, но суть ее оставалась той же самой — бесчеловечной.

Охрану военнопленных в шталагах осуществляли специальные военизированные батальоны, входившие в систему гражданской обороны вермахта. Им помогали *Hilfswillige* — добровольцы из числа перебежчиков, дезертиров и других «надежных» военнопленных, а также и тех, кто не мог выдержать голодного режима и палочной системы лагерей и шел в услужение лагерной администрации. Немецкие архивы свидетельствуют о том, что охранников для обслуживания лагерей в Норвегии постоянно не хватало.

С ростом числа военнопленных и развитием событий на фронтах расширялись задачи немецкой администрации в Норвегии, и ВКВ в 1942 г. создало в Норвегии специальный орган для надзора и распоряжения дешевой рабочей силой советских пленников, включая тех, что были закреплены за ВМС и люфтваффе — *Kriegsgefangenen Bezirkskommandant i Norwegen* — *Районный комендант по делам военнопленных в Норвегии*. Этот новый комендант тоже получал приказы от КВН и выполнял инструкции ВКВ. От него шли приказы батальонным комендантам, а те передавали их непосредственно комендантам лагерей. Во всем существовал четкий немецкий порядок — *Ordnung muss sein!*

Первым районным комендантом в Осло с 15.10.1942 г. по 6.10.1943 г. был полковник Hugo Kiehl, его сменил Kurt Wuthenow (6.10.1943—24.7.1944), потом пришел черед Leopold von Reibnitz (до 1.11.1944) и Kuno Klemm (1.11.1944—16.5.1945). Осенью же 1944 года вся лагерная система для военнопленных в Норвегии перешла в руки СС.

За отступлением 20-й горнострелковой армии вермахта из Финляндии в Норвегию (командующий генерал Йодль) последовал перевод всех военнопленных, находившихся в лагерях на территории зоны действия армии, на норвежскую территорию. В Норвегии оказались две немецкие армии. В связи с этим возникли проблемы разграничения функций между двумя районными комендантами по делам военнопленных. Норвежский районный комендант получил формальное право распоряжаться всеми военнопленными на своей территории, но на практике полного контро-

ля над вновь прибывшими установлено так и не было. Так что точными данными о количестве военнопленных, переведенных из Финляндии, районная комендатура в Норвегии не располагала.

Подверглась реорганизации и система надзора за советскими военнопленными, входившими в зону ответственности 20-й горнострелковой армии. Приказом ВКСХ от 11 января 1944 года районный комендант по вопросам военнопленных в Финляндии упразднился, число офицеров, обслуживающих шталаги №№ 309 в Салле и 322 в Киркенесе, увеличивался (максимум 10, минимум 6 человек), а ответственность 20-й горнострелковой армии за военнопленных в целом усиливалась. Районного коменданта с 1 марта заменил *Уполномоченный по делам военнопленных в Финляндии*, представитель ВКСВ полковник Бухвейзер. Практически он волился в Особый штаб «О» в Му и Рана и формально стал подчиняться районному коменданту по делам военнопленных в Норвегии полковнику Рейбнитцу. Одновременно он стал главным помощником генерала Рихтера. Главными задачами Бухвейзера были не снижать темпов загрузки военнопленных на объектах вермахта, предотвращать их побеги и максимально экономить на охране — вермахту до зарезу нужны были солдаты на фронтах.

М.Н. Сулейм пишет, что недостатки в координации деятельности районных комендатур привели к неясностям в статусе шталагов. В конечном итоге как инструмент для выполнения задач сухопутных войск с нечетко разграниченными сферами ответственности по отношению к Люфтваффе, ВМС и ОТ они закончили свое существование. Между всеми этими организациями шла постоянная борьба за влияние и ресурсы, и до конца войны упорядочить их деятельность центральным органам рейха так и не удалось.

Шталаги постепенно превратились в сборные пункты военнопленных, в места размещения нетрудоспособных или в административные органы для формирования рабочих команд. Шталаги №№ 303, 330 и 380 находились в подчинении районного коменданта в Осло, в то время как шталаг № 322 в Киркенесе/Эльвенесе подчинялся командованию упомянутой выше 20-й горнострелковой армии в Финляндии, причем военнопленные шталага № 322 после отступления немцев из Финляндии были размещены в шталаге № 330 в Альте/Нарвик.

Главными объектами применения труда военнопленных в германских ВВС были аэродромы: строительство новых, как, например, аэродрома Хердла на острове рядом с Бергеном, и поддержание и расширение имевшихся в Банакке, Альте, Бардуфоссе, Тромс-Рамсберге, Буде, Тронхейме, Аукре, Стур-Фосне, Суле, Кьевике, Листе и Гардермуене. Военнопленные удлиняли и расширяли взлетно-посадочные полосы и углубляли их фундаменты, а также строили вспомогательные здания.

ВМС в Норвегии использовало советских военнопленных в основном на базах своих подводных лодок в Тронхейме и Бергене, на военно-морских базах в Нарвике и Хортене и в меньшей степени — в Осло, Арендале и Кристианстаде. Согласно британским источникам, в Тронхейме было задействовано 640 советских военнопленных, а всего на германские ВМС в Норвегии под эгидой ОТ работали 1041 человек, т.е. около 1 % от общего количества.

В описанной выше сложной иерархической системе подавления и принуждения отдельный советский военнопленный был крошечной песчинкой. Трудно сказать, следует ли верить утверждениям Марианны Сулейм и некоторых других западных исследователей о том, что ОТ по сравнению с вермахтом якобы занимала по отношению к советским военнопленным более мягкую линию. Норвежская исследовательница ссылается на то, что ОТ распространяла среди рядовых охранников листовки с призывами относиться к пленным как к людям (!) и соблюдать в отношении их справедливость и гуманность, иначе пленные могли стать врагами рейха. Но примеры гуманного и справедливого отношения в этих исследованиях что-то не приводятся.

Да и были ли они вообще? Сама Сулейм признается, что следовать призывам ОТ к гуманности, особенно в рядах вермахта или СС, отнюдь никто не собирался.

От всей этой пропагандистской деятельности ОТ и других «гуманистов» рейха веет цинизмом и лицемерием. Вся система администрирования и надзора за советскими военнопленными была в корне противоправной, бесчеловечной и преступной.

2. Прибытие в Норвегию.

«...23 сентября 1941 года на земле Сулы, Санде, появились шеренги изможденных и обтрепанных людей. Обессиленные от голода, побоев и тяжелой дороги, они прошаркали ногами по двору. По обе стороны строя шли вооруженные немецкие охранники... Кто-то нагнулся — те, у кого еще были силы — и сгреб ладонями пыль, в которой валялись несклеванные птицами зерна и колоски. Пыль тут же исчезла в пустых желудках марширующих. Военнопленные прибыли в свой первый дом в Норвегии — в сарай норвежского крестьянина Тургейра Юа, по кличке Тургейр из Осена. Многие из них не смогут покинуть это место живыми».

Так описывают появление первых советских военнопленных в Норвегии, в районе Ставангера, норвежские историки А. Скарстен и М. Стокке.

Первые военнопленные появились в Норвегии уже в августе 1941 года, т.е. за 3 месяца до принятия принципиального решения (Russeneinsatz) об их использовании. Их доставили четыре парохода из Штеттина, которые шли вдоль западного побережья Норвегии в Нарвик и по пути высаживали отдельные партии военнопленных в Ставангере, Эрланде и других портах по всему побережью страны. Согласно данным вермахта, в 1941 году в Норвегию были транспортированы 3253, в 1942 году — 24411 (по норвежским данным — 20156), в 1943 году — 28199 (по норвежским данным — 33227) советских военнопленных. Цифры за 1944 год приблизительны: около 18000 пленных поступили из Германии и примерно 15000 — из Финляндии.

Всего на территории Норвегии немцы организовали 445 лагерей, из которых 220 были размещены в Северной Норвегии, 52 — в губернии Тренделаг, 88 — в Вестландет, 21 — в Серландет и 64 — в Эстландет. На каждого военнопленного немцы заводили учетную карточку, в которой предусматривались следующие данные: ф.и.о., дата и место рождения, национальность, принадлежность к религии, профессия. Кроме того, немцы заносили туда номер воинской части, в которой служил военнопленный, звание и должность, место и время взятия в плен, а также рост, цвет волос, особые приметы, имя матери и ближайших родственников. На карточке проставлялся номер военнопленного, указывался шталаг, а иногда даже паспортная фотография пленного со своим номером в руках, предусматривалось место для отпечатка указательного пальца правой руки. На карточке расстрелянного или умершего пленного в верхнем правом углу ставился крест. Обратная сторона карточки использовалась для регистрации его поведения, сведений о переводе в другие лагеря и т. п., а также его подпись в удостоверение того, что он проинформирован о запрете иметь сексуальные отношения с немецкими женщинами.

Прием людей в Норвегии немцы продумали плохо — да они, по-видимому, особой заботы по этому поводу не проявляли. Первым советским военнопленным пришлось ютиться в самых неподходящих условиях, например в экспроприированных у норвежских крестьян сараях и бараках, как у вышеупомянутого Тургейра Юа. Готовых для них помещений не было — их еще нужно было построить. Строительство лагерей было поручено норвежской фирме «Ношк Бюгг». Для строительства первого лагеря в районе Ставангера конфисковали ферму у того же Тургейра Юа в Санде (Сула). Она стала основой шталага № 303. В этом лагере, пишут А. Скарстен и М. Стокке, разыгрались потом ужасные трагедии: зима 1941/42 года отличалась сильными морозами, и в эту первую зиму в Санде замерзли не менее 40 военнопленных.

В совместном советско-норвежском докладе за 1947 год об условиях жизни советских военнопленных в Норвегии сказано следующее:

«Некоторые лагеря представляли собой сараи, закуты для скотины или свинарники. Во многих лагерях Северной Норвегии советские военнопленные вообще не располагали каким-либо строительным материалом, и лагеря состояли из землянок или хижин, сложенных из камня. В этих помещениях не было ни окон, ни дверей, ни пола, ни какого-либо отопления».

Транспортировка военнопленных тоже проходила не всегда гладко. Многие из них погибали еще в пути — кто от болезней, кто от немецкой пули, а кто и от рук союзников. В субботу 17 октября 1942 года пароход «Palatia», имея на борту 999 советских военнопленных, 132 охранника и команду из 34 человек, в составе конвоя покинул Штеттин и взял курс на Берген. Конвой сделал короткую остановку в порту Кристиансанд, а в пятницу, в 05.30 21 октября, вышел из Кристиансанда к месту назначения в порт Олесунд, имея в своем составе, кроме «Палатиа», пароход «Остланд» с 1000 советскими военнопленными на борту, танкер «Остермур» и охрану из 3 сторожевых корабля: UJ1704, UJ5304 и UJ5307.

Сразу после выхода из Кристиансанда начались проблемы. Сначала сел на мель пароход «Остланд», потом вышел из строя двигатель у танкера, и его отбуксировали обратно в Кристиансанд, потом поломался двигатель у сторожевика UJ5307, и его тоже отбуксировал обратно в порт. Взяв на борт норвежского лоцмана Юханнеса Сандвика, «Палатиа» в сопровождении только одного сторожевика UJ1704 в 11.30 того же дня снова вышла в море. Ответственные за конвой запросили о возможности подстраховать конвой силами «люфтваффе», и для этих целей был выделен один «Юнкерс-88», но он так и не взлетел из-за нелетной погоды. В 15.03 телеграфист парохода принял сигнал «воздушная тревога»: в небе появились 4 штурмовика из Coastal Command/489, Королевская эскадрилья, Новая Зеландия. В 15.05 «Хэмиден ХА-В» с пилотом Ричардсоном на борту пробивает толщу облаков и делает заход в атаку на пароход. Команда «Палатиа» и немецкие моряки со сторожевика увидели штурмовик на высоте 500—600 м и открыли по нему огонь. Ричардсон резко бросил самолет вниз, на высоте 60 м выпустил по пароходу торпеду и взмыл вверх, избегая зенитного огня с конвоя. Вместе с тремя другими штурмовиками самолет ушел на свою базу Wick в Шотландии.

Торпеда попала в борт парохода, сразу за машинным отделением. В 15.15 к его борту подошел сторожевик. Из-за сильной волны оба судна начали стучать бортами друг о друга, однако 20 военнопленных и 10 членов команды парохода сумели уловить момент и спрыгнуть на палубу сторожевика, но большинство пленных так и не смогли выбраться из трюмов. Когда сторожевик был вынужден отвалить от парохода, на борту «Палатиа» возникла форменная паника. Пароход с военнопленными медленно дрейфовал к маяку, а через 25 минут, задрав нос, стал быстро уходить под воду. Команда сторожевика UJ1704 спасала в первую очередь немцев. Если за ноги немцев цеплялись и военнопленные, их расстреливали из пистолетов. На борт забирали только тех пленных, которым вместе с немцами удалось ухватиться за резиновые плоты или не потонувшие обломки парохода. В рапорте капитана сторожевика была такая фраза: «В пяти случаях русские мешали спасению немецких солдат, либо ухватившись за их ноги, либо за канаты, так что немцев невозможно было поднять на борт. Поскольку иных способов заставить русских отцепиться не было, пришлось применить ручное оружие».

Спасли немного: 64 немецких солдат и офицеров, 28 членов команды парохода и 99 военнопленных. В указанном рапорте капитана сторожевика также говорится, что если бы команда парохода вела себя правильно, то число спасенных немцев было бы больше. Военнопленные в счет не шли.

Трупы скоро стало прибывать к берегу. Их обнаруживали местные жители и со-

общали о них немецким оккупационным властям, но те заявляли, что не имеют к ним никакого отношения. В некоторых случаях немцы обнаруживали свой интерес к утонувшим и запрещали хоронить их на кладбищах: этих «безбожников» следовало закапывать в землю в любом месте и без совершения каких бы то ни было обрядов.

В одном случае недовольный указанием немцев пастор Брекке из прихода Хо, Ставангер, подал жалобу высшим церковным властям. Ответ пришел от главного нацистского чиновника Норвегии Йозефа Тербовена: он смилостивился и разрешил похоронить советского военнопленного по христианскому обычаю. Трупы утонувших советских военнопленных с парохода «Палатиа» похоронены также на кладбищах Осло, Оны, Сиры, Сокндаля и Нэрбе*.

В ноябре 1944 года, при транспортировке 2248 советских военнопленных из Бьерквика на юг Норвегии на пароходе «Ригель», произошла еще более страшная катастрофа. Пароход, как и в случае с «Palatia», подвергся атаке британских бомбардировщиков. В живых из советских людей осталось всего 155 человек. Список пароходов с советскими военнопленными на борту, погибших от бомбежек союзников, можно было бы пополнить. Такова была горькая их участь в этой войне.

* О трагедии первыми в 1994 году вспомнили норвежцы. Место гибели парохода было локализовано, и ему был придан официальный статус морской братской могилы. В 1997 г. в Линденесе был открыт памятник погибшим русским военнопленным. На торжестве присутствовал король Норвегии. Скульптор А. В. Гюннерюд на колонне, сложенной из камней, изобразил т.н. «русскую птицу», точную копию тех птичек, которых советские военнопленные мастерили или рисовали своими руками в лагерях и обменивали их на еду у норвежцев.